

А в недолгом времени после того лежал уже Иосиф на смертном одре, и король Эвелак увидел это, он очень убивался и сказал так:

– Ради тебя покинул я мою страну, и коли теперь ты покидаешь меня и уходишь из этого мира, оставь мне на память что-нибудь, дабы мог я о тебе думать.

И сказал тогда Иосиф:

– Я сделаю это со всей моею охотою. Принеси мне щит твой, что я дал тебе перед поединком с королем Голомом.

И хлынула тут у Иосифа носом кровь, и никакими ухищрениями нельзя ее было остановить, а он своею кровью начертал на том щите крест и сказал так:

– Теперь есть у тебя память обо мне и знак моей любви, ибо, когда бы ни взглянул ты на этот щит, ты подумаешь обо мне. А знак креста всегда будет оставаться свежим, как сейчас, и кто бы ни навесил этот щит себе на шею, неизбежно об том пожалеет, и так будет до тех пор, пока не достанется он Галахаду, доброму рыцарю. Этот щит будет носить последний из моего рода, и он свершит немало чудных подвигов.

– Где же, – спросил король Эвелак, – хранить мне щит этот, чтобы он попал в руки достойному рыцарю, твоему потомку?

– Сэр, вам надлежит оставить его в том месте, где он будет находиться после смерти отшельника Насьена, ибо туда явится тот славный рыцарь на пятнадцатый день после посвящения в Рыцарский Орден.

И вот ныне настал назначенный день, когда он должен завладеть своим щитом. А в этом аббатстве покоится тело отшельника Насьена.

И, окончив речь, белый рыцарь исчез.

Юный паж слышал весь этот рассказ, и он поспешил слезть со своей лошади, опустился у ног Галахада на колени и стал молить его, чтобы он дозволил ему сопровождать себя до того дня, покуда сам не посвятит его в рыцари.

– Я не отказал бы вам, когда бы не должен был ехать один.

– В таком случае посвятите меня в рыцари! – сказал юный паж. – И, милостью Божией, я не опозорю высокий Рыцарский Орден.

Сэр Галахад согласился на его просьбу, и они возвратились назад в то самое аббатство, откуда начали путь, и там все весьма возрадовались при виде сэра Галахада.

Но лишь только они спешили, подошел к ним один монах, и он пригласил сэра Галахада к старой гробнице на кладбище, откуда, как сказал он, исходил столь ужасный шум, что кто ни услышит его, тот воистину лишается сил и рассудка.

– И мы полагаем сэр, что это дело дьявола.

4

– Ведите меня туда, – сказал сэр Галахад.

И его привели на кладбище в полном облачении, но только без шлема.

– Вот, – сказал добрый старец, – теперь приблизьтесь к гробнице и подымите камень.

Он подошел, и донесся из могилы громкий крик, и голос произнес жалобно, но отчетливо:

– Сэр Галахад, слуга Иисуса Христа, не приходи ко мне, ибо иначе ты принудишь меня возвратиться туда, где я пребывал уже столь долго!

Но сэр Галахад ничего не побоялся и откинул надгробную плиту. Вырвался из земли зловонный дым, а вслед за тем увидел он, как выпрыгнуло из ямы мерзейшее из существ, когда-либо виденное им во образе человека. Посмотрел он, благословись, и понял, что перед ним – дьявол.

И услышал он тот же голос:

– Сэр Галахад, я вижу вокруг тебя такое множество ангелов, что сила моя бессильна противоборствовать тебе!

И увидел тогда сэр Галахад, что в могиле лежит мертвый рыцарь в доспехах, а сбоку – меч его.

– Вот что, любезный брат, – сказал сэр Галахад, – распорядись перенести отсюда это тело. Этот рыцарь недостоин лежать в ограде церковного кладбища, ибо он не был истинным христианином.